

УДК 930.85«1917/1922»

**ЭКСТРЕМИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ БОЛЬШЕВИЗМА:
УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ
(1919–1922 ГОДЫ)**

Макарчук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: makar@kemsu.ru

В статье рассматриваются экстремистские проявления в политической культуре большевиков периода Гражданской войны на востоке России. Подробное внимание уделено реконструкции конкретно-исторической обстановки и исследованию направленности политического действия коммунистической партии, а также особенностям ее взаимоотношений с политическими оппонентами.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, большевизм, Гражданская война, политическая культура, репрессии, Сибирь, Дальний Восток.

**EXTREMISM IN POLITICAL CULTURE OF BOLSHEVISM:
THE ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER IN EASTERN RUSSIA
(1919–1922)**

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Russian History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: makar@kemsu.ru

The article deals with manifestations of extremism in political culture of Bolsheviks during the Civil War in the East of Russia. Underattention to detail reconstruction of the concrete historical situation and study orientation of political action of the Communist Party, and especially its relations with political opponents.

The study of historical experience of political action of Bolsheviks in the period under review, suggests the prevalence of extremism, an extreme form of radicalism in their political culture. These forms were expressed in the deployment of repression and terror against not only Bolsheviks, but also seeking an alliance with Bolsheviks' political forces, as well as in acts of political revenge, move away from the tolerance and compromise, desire to establish a totalitarian one-party political system in the liberated eastern territories of Russia.

Keywords: radicalism, extremism, Bolshevism, Civil War, political culture, repression, Siberia and the Far East.

Проблема политической культуры большевизма только начинает ставиться в научной литературе культурологического, политологического, психологического характера [2; 11; 26]. Политическая культура любой партийной группировки в политической культурологии определяется как система ценностей, символов и установок, направленных на политическое действие. В поведении большевиков, особенно в период Гражданской войны, преобладали, прежде всего, экстремальные формы политического действия при практическом отсутствии толерантности и культуры компромисса, хотя в предшествующий исторический период компромисс не был чужд социал-демократам Сибири и Дальнего Востока [14].

Однако, в разгар Гражданской войны существенным образом поменялись социокультурные условия: субъекты политического действия практически непрерывно находились в экстремальной ситуации, которая приобрела значение постоянного фактора политической жизни. По справедливому замечанию И. Б. Орлова: «Революционистская ментальность была ориентирована на определенный тип социального поведения, направленного на немедленное и радикальное переустройство общественных основ с применением крайних методов» [18, с. 120]. Самым «крайним методом» явился развернутый большевиками после освобождения от Колчака восточных регионов страны террор против политических и идеологических оппонентов.

Специфические особенности политической культуры любой партии детерминированы ее историческим опытом. Поэтому, без подробного изучения конкретно-исторической обстановки и направленности действий самой партии невозможно сделать заключение о состоянии и направлении ее политической культуры.

Во второй половине 1919 года Красная армия переходит в решительное наступление на Вос-

точном фронте. В августе создаются чрезвычайные органы управления освобождаемой от колчаковцев территорией – Сибревком и губернские военно-революционные комитеты. Одновременно формируются СибЧК, губернские чрезвычайные комиссии (губЧК). Контроль за чекистами на местах предоставляется организациям одной коммунистической партии, для чего в коллегии губЧК вводятся представители губкомов РКП (б).

Конфронтационность как непоколебимая уверенность в правоте своих действий и принципов стала основой деятельности большевиков на освобожденных территориях. Чекистские органы выполняют репрессивно-карательные функции в отношении общественно-политических деятелей, не поддержавших еще первую советскую власть. С приходом в Сибирь Красной армии органами СибЧК были арестованы 63 кооператора, среди которых были беспартийные и придерживающиеся кадетских, меньшевистских, эсеровских взглядов. Часть из них были позже расстреляны [7, с. 263–264].

Экстремизм в политической культуре большевизма того времени выразился в нежелании идти на компромисс даже с бывшими соратниками по социал-демократической партии – меньшевиками. 14 ноября 1919 года войска Красной армии заняли колчаковскую столицу г. Омск, взяв в плен 30 тыс. человек. Были арестованы и некоторые члены Российского правительства адмирала Колчака. По приговору Чрезвычайного трибунала при Сибревкоме четверо из них, в том числе социал-демократ Л. И. Шумиловский, были расстреляны. Л. И. Шумиловский возглавлял Министерство труда Российского правительства и много сделал для смягчения «рабочего вопроса». Его стараниями не был отменен 8-часовой рабочий день, сохранены профсоюзы (см. [15, с. 64–68]).

Репрессии большевиков коснулись и тех политических сил, которые уже не могли составить

конкуренции большевизму. Месть за прошлое политическое противостояние стала составной частью большевистского экстремизма.

Победившие большевики распространили на Сибирь существующий в Советской России запрет на политические партии монархического и либерального направлений. Однако оформленных организаций этих партий в Сибири не существовало, за исключением организаций конституционно-демократической партии, открыто поддерживавших диктатуру А. В. Колчака, и, со всей вероятностью, должных стать одними из первых объектов большевистских репрессий. Но, как справедливо отмечает М. В. Шиловский, кадетские организации превентивно прекратили работу уже во второй половине 1919 года [23, с. 357]. В новых условиях ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке кадеты не смогли претендовать на роль политической партии, реализующей цели борьбы с большевиками [1, с. 101].

Что касается умеренно-социалистических партий, то они после колчаковского переворота поддерживали большевиков. Анализ документов ЦК РСДРП, направленных на места в 1919–1920 годах позволяет сделать вывод, что социал-демократы (меньшевики) относились к большевикам как к «заблудшим товарищам», способным отказаться от однопартийной монополии и перейти к системе «однородной» социалистической власти [16].

Подобные иллюзии питали эсеров, которые выступили в ноябре 1919 года инициаторами формирования объединенного социалистического антиколчаковского блока, затеяв переговоры с меньшевиками и большевиками. В результате такой блок, под названием Политцентр, был создан в Иркутске, но в последний момент коммунисты отказались войти в этот, по их мнению, «эсеро-меньшевистский» орган.

Политцентр внес большой вклад в создание Народно-революционной армии и подготовку антиколчаковского выступления. Бои в Иркутске продолжались до 4 января 1920 года, когда колчаковский Совет министров вынужден был передать власть Политцентру, который начал переговоры с представителями красных по вопросу прекращения Гражданской войны и основания в Сибири «демократического строя». Однако успешный ход переговоров не помешал местным коммунистам осуществить план по отстранению Полит-

центра от власти и передаче ее большевистскому Иркутскому военно-революционному комитету. Вскоре было упразднено детище Политцентра – Временный совет сибирского народного управления (ВССНУ), состоящий из представителей земств, профсоюзов, городских самоуправлений, кооперативов и контролируемый меньшевиками и эсерами. По инициативе большевиков состоялись выборы в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в котором они, используя «административный ресурс» получили подавляющее количество мест – 346, в то время как меньшевики всего 25 мест, а правые эсеры и того меньше – 16 мест [7, с. 261]. Начала формироваться так называемая «полуполупартийная» система как переходный этап к однопартийной. Политический тоталитаризм на основе однопартийности стал главной целью действий большевиков.

Неудачная попытка установления демократической власти на многопартийной основе при опоре на гражданское общество была предпринята и в Красноярске. Здесь в декабре 1919 года создается Комитет общественной безопасности (КОБ) из представителей земств, профсоюзов, кооперативов. Идя навстречу надвигающейся с Красной армией советской власти, по инициативе КОБа было принято решение о выборах в Совет рабочих и солдатских депутатов, первое заседание которого состоялось 1 января 1920 года. В партийном отношении Совет состоял из социал-демократов, эсеров и коммунистов, но последние, не желая делиться властью, еще до прихода Красной армии в Красноярск организовали восстание своих сторонников, передавшее всю полноту власти большевистскому военно-революционному комитету, который распустил многопартийный Совет [21, с. 377–379].

Угроза коммунистических репрессий заставляла расставаться с властью «демократов» и в других местах. Так, в результате отступления атамана А. Д. Кузнецова, власть в г. Благовещенске оказалась в руках представителей гражданского общества в лице Временного совета демократических самоуправлений, который просуществовав один день вынужден был 6 февраля 1920 года передать ее большевистскому Совету рабочих и крестьянских депутатов [10, с. 126].

После занятия Красной армией сибирских городов, коммунисты не жаловали помогающих им в борьбе против Колчака меньшевиков и эсеров, применяя «мягкие» формы репрессий: отказ в ле-

гализации, роспуск вооруженных частей. Даже после инициирования социал-демократами антиколчаковского выступления Барабинского полка в Новониколаевске, социал-демократической организации было отказано в легализации с приходом Красной армии в город [17, с. 584]. В Томске вооруженное восстание возглавил военно-революционный комитет, состоящий из коммунистов, эсеров, меньшевиков и анархистов. Однако после занятия города красными, эсеро-меньшевицким частям было предложено разоружиться и передать всю власть назначенному Реввоенсоветом 5-й армии ревкому [3, л. 14].

С укреплением большевистской власти политические репрессии ужесточались. Решением Томского губревкома эсерам и меньшевикам запрещалось устраивать свои собрания в городе. Подобное решение принял 3 апреля 1920 года Омский губком РКП(б). Распоряжением Иркутского губревкома от 8 июня 1920 года была распущена местная организация партии социалистов-революционеров (подробнее см. [6, с. 14–16]).

Организации ПСР и РСДРП вынуждены были действовать нелегально, а кое-где перейти к подготовке решительной борьбы с большевистской властью. Одну из нелегальных организаций в Томске весной 1920 года возглавлял меньшевик А. И. Гаврилович. В контакте с ней находились небольшие антибольшевистские группы по всей губернии. Налаживалась связь с единомышленниками Красноярска и Омска [25, с. 171]. Одновременно в Томске действовала тайная эсеровская организация, имевшая паспортное бюро, шифры, оружие, типографию [20, с. 289].

В свою очередь к решительным действиям вынуждены были перейти и органы ЧК. Первой крупной операцией томских чекистов стала ликвидация организации А. И. Гавриловича в ночь на 14 мая 1920 года. Спустя несколько недель 44 ее участника были расстреляны, остальные приговорены к различным срокам заключения [20, с. 291]. В июле 1920 года в Томске была раскрыта подпольная организация с участием эсеров. Губернский комитет ПСР был разгромлен. 14 августа 1920 года 25 активных участников организации расстреляны по приговору губЧК (подробнее см. [6, с. 16]).

Под влиянием репрессий и по инициативе властей начинается кампания массового отречения эсеров и меньшевиков от своих партий. Местные органы коммунистической прессы публику-

ют индивидуальные и коллективные заявления о выходе из партий и самороспуске целых организаций (см., например [19; 8; 5]).

Со второй половины 1920 года часть бывших «красных» партизан, боровшихся против Колчака повернули свое оружие против большевиков. Эти крестьянские «мятежи», направленные против продрозверстки, были жестоко подавлены большевиками военно-репрессивными методами. В партийном отношении некоторые руководители отрядов объявили себя анархистами. Что касается социал-демократов, то их участие в партизанских отрядах не замечено, а участие эсеров исчислялось единицами тех, кто был плохо связан партийной дисциплиной [24, с. 133].

Центральные и сибирские комитеты ПСР и РСДРП предостерегали членов своих партий от участия в вооруженной борьбе против большевиков. В свою очередь, коммунисты не решились еще в 1920-е годы полностью официально запретить деятельность оппозиционных социалистических партий. А в районах восточнее Иркутска большевики вынуждены были даже пойти на временную коалицию с меньшевиками и эсерами в органах управления Временной земской власти Прибайкалья, правительства Приморской областной земской управы, Дальневосточной республики. В отношении последней в заявлении большевиков говорилось, что «буферное государство не примет коммунизм за форму и будет носить народный, широко демократический характер» [12, с. 148–149; 22, с. 119–127].

Более жесткую позицию заняли большевики в отношении так называемой «читинской пробки» – белогвардейского режима атамана Г. М. Семенова в Восточном Забайкалье. Несмотря на стремление атамана к «демократизации», вызвавшееся, в частности, в созыве Восточно-Забайкальского Народного собрания, куда вошли и коммунисты, в октябре 1920 года Народно-революционная армия Дальневосточной республики заняла Читу. Часть семеновцев, оказавшихся на территории КВЖД по договоренности с властями ДВР, были в январе 1921 года отправлены на родину. Но власти Дальневосточной республики нарушили свои гарантии и большинство солдат и офицеров, желающих возвратиться домой, были подвергнуты репрессиям в форме отправки их на принудительные работы в шахты Забайкалья [21, с. 37].

После ликвидации «читинской пробки» территория Дальневосточной республики распростерлась от Байкала до Тихого океана, а столица ее перенесена из Верхнеудинска в Читу. Существующая в республике многопартийность и достаточно высокая роль гражданского общества не способствовали развертыванию широких политических репрессий. Есть сведения о разгоне 1921 года по инициативе коммунистов Съезда амурских хлеборобов в Тарбогатае и аресте членов эсеровской партии в Нерчинске [4, л. 30–95].

Гораздо больший размах репрессий характерен для советской Сибири. В августе – сентябре 1921 года Иркутская губЧК провела аресты эсеров и меньшевиков. В сентябре в Томске проведены аресты активных эсеров – студентов медицинского факультета университета и деятелей кооперации. 21 октября в Томске были арестованы 13 эсеров, 8 меньшевиков, 21 кадет. В ночь на 7 ноября арестованы группы эсеров в Новониколаевске, Барнауле, Кольчугино, Тайге [6, с. 275].

В 1922 году ГПУ проводит массовые операции против эсеров в целом по стране. В Сибири в марте подверглась полному разгрому Омская организация ПСР. Арестовано более 60 человек [13, с. 103–104]. В августе политические карательные органы проводят операции по уничтожению эсеровских организаций во всех сибирских губерниях. В то время жестких карательных мер в отношении политических арестантов не применялось. Так, арестованные сибирские эсеры и меньшевики в своем большинстве были просто высланы с мест проживания в другие губернии Сибири.

Линия на разрыв с эсерами и меньшевиками со стороны российских коммунистов была поддержана властями ДВР. 19 декабря 1921 года председатель Совета министров ДВР коммунист П. М. Никифоров объявил о расторжении коалиции с меньшевиками и эсерами и выводе их из состава правительства Дальневосточной республики [9, с. 177]. Однако на массовые аресты членов некоммунистических организаций большевики пока не решились.

Тем не менее, в июне 1922 года, в Благовещенске за публикацию в эсеровской газете «Дело народа» статей, «раскрывающих государственную тайну и клевету на политический суд ДВР», был арестован редактор-эсер В. А. Кузнецов, а также редактор меньшевистской газеты «Вол-

на» Е. Х. Лобжанидзе. Аресту подверглись также эсер А. В. Сторожев и руководитель организации РСДРП Амурской области С. П. Никифоров. Арестованные были отправлены под конвоем в Читу, но вскоре их освободили и они вернулись домой [12, с. 148–149].

22 июля 1922 года по инициативе коммунистов был принят «Закон об ответственности за злоупотребления свободой слова и печати», который устанавливал уголовную ответственность за клевету на государственные органы ДВР. Трактывался он весьма широко и был направлен против оппонентов большевиков. Коммунисты также установили монополию на распределение бумаги и распространение печати вдоль Транссиба. Под предлогом нехватки бумаги закрывались эсеровские и меньшевистские газеты. Прекратил выход центральный печатный орган Дальбюро ПСР газета «Труд» и орган Дальцентра РСДРП газета «Наш голос». Были запрещены эсеровские газеты «Дело народа», «Крестьянский труд» (Верхнеудинск) и меньшевистские «Голос социал-демократа» и «Волна» (Благовещенск) [12, с. 179].

В конце 1922 года политическая обстановка на Дальнем Востоке резко изменилась. Потерпело поражение «белоповстанческое» движение в Приморье и Народно-революционная армия ДВР 25 октября вошла во Владивосток. Сразу же были произведены массовые аресты меньшевиков, эсеров и представителей других политических партий и некоммунистических организаций в городах Дальнего Востока. 15 ноября вся территория ДВР вошла в состав советской России и репрессивная политика против политических оппонентов продолжилась уже на основе советских законов и политических традиций российских большевиков.

Таким образом, изучение исторического опыта политического действия большевиков в рассматриваемый период позволяет сделать вывод о преобладании экстремизма – крайних форм проявления радикализма в их политической культуре. Эти формы выражались в развертывании репрессий и террора против не только большевистских, но и стремящихся к союзу с большевиками политических сил, а также в осуществлении актов политической мести, отходе от курса на толерантность и компромиссы, стремление к установлению тоталитарной однопартийной политической системы на освобожденных восточных территориях России.

Литература

1. Авдошкина О. В. Сибирские и дальневосточные организации партии кадетов в годы Гражданской войны // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. 1918–1922. – Хабаровск, 2007. – Вып. 5.
2. Булдаков В. П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С. 4–17.
3. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-1. – Оп. 3. – Д. 2.
4. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 166.
5. Дело революции. – 1920. – 11 апр.
6. Добровольский А. В. Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации. – Новосибирск, 1997.
7. Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. 1917–1923 годы. – Новосибирск, 2002.
8. Знамя революции. – 1920. – 16 мая.
9. Каплин С. Большевики на Дальнем Востоке. 1918–1922. – М., 1960.
10. Кокоулин В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Октябрь 1917 – ноябрь 1922 года. – Новосибирск, 2002.
11. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. – СПб., 2001.
12. Кузьмин В. Л., Ципкин Ю. Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917–1922 годов. – Хабаровск, 2005.
13. Кучемко Н. М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы НЭПа. – Новосибирск, 1982.
14. Макачук С. В. Социалисты на востоке России: политическая культура компромисса накануне и в начале Гражданской войны // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23.
15. Макачук С. В. Шумиловский Леонид Иванович // История «белой» Сибири в лицах: биограф. справ. – СПб., 1996. – С. 64–68.
16. Меньшевики в 1919–1920 годы: сб. док. – М., 2000.
17. Новосибирск: энцикл. – Новосибирск, 2003.
18. Орлов И. Б. Политическая культура России XX века: учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2013.
19. Советская Сибирь. – 1920. – 31 марта.
20. Томская область: истор. очерк. – Томск, 1994.
21. Ципкин Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке. 1920–1922 годы. – Хабаровск, 1996.
22. Ципкин Ю. Н. Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. 1918–1922. – Хабаровск, 1999.
23. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 годов. – Новосибирск, 2003.
24. Шишкин В. И. Гражданская война в Сибири. 1929 год // Сибирь в период Гражданской войны: учеб. пособие. – Кемерово, 1995.
25. Энциклопедия Томской области. – Томск, 2008. – Т. 1.
26. Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 годах. – СПб., 1999.

References

1. Avdoshkina O.V. Sibirskie i dal'nevostochnye organizatsii partii kadetov v gody Grazhdanskoj voiny [Siberian and Far East Organization Cadet Party during the Civil War]. *Iz istorii Grazhdanskoj voiny na Dal'nem Vostoke. 1918–1922 [History of the Civil War in the Far East. 1918–1922]*. Khabarovsk, 2007, Iss. 5. (In Russ.).
2. Buldakov V.P. K izucheniiu psikhologii i psikhopatologii revoliutsionnoi epokhi (Metodologicheskii aspekt) [To the study of psychology and psychopathology of the revolutionary era (Metod-prelogical aspect)]. *Revoliutsiia i chelovek. Sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [Revolution and people. Socio-psychological aspect]*. Moscow, 1996, pp. 4–17.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti [State Archives of Novosibirsk region]. F. P–1. Op. 3. D. 2. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia [State Archives of Khabarovsk Krai]. F. P–44. Op.1. D.166. (In Russ.).
5. Delo revolyutsii [The revolution], 1920, April 11. (In Russ.).
6. Dobrovolskii A.V. Sotsialisty-revoliutsionery Sibiri: ot raspada k samolikvidatsii [Sotsialisty-Revolutionaries Siberia from decay to self-destruct]. Novosibirsk, 1997. (In Russ.).
7. Dobrovolskii A.V. Esery Sibiri vo vlasti i v oppozitsii. 1917–1923 godu [SRs Siberia in power and in opposition of 1917–1923]. Novosibirsk, 2002. (In Russ.).

8. Znamia revoliutsii [Banner revolution], 1920, May 16. (In Russ.).
9. Kaplin S. Bol'sheviki na Dal'nem Vostoke. 1918–1922 [Bolsheviks in the Far East. 1918–1922]. Moscow, 1960. (In Russ.).
10. Kokoulin V.G. Politicheskie partii v bor'be za vlast' v Zabaikal'e i na Dal'nem Vostoke. Oktiabr' 1917 – noiabr' 1922 goda [Political parties in the struggle for power in the Trans-Baikal region and the Far East. October 1917]. November 1922. Novosibirsk, 2002. (In Russ.).
11. Kolonitskii B.I. Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revoliutsii 1917 goda [Symbol of power and the struggle for power: to the study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St. Petersburg, 2001.
12. Kuz'min V.L., Tsipkin Iu.N. Esery i men'sheviki na Dal'nem Vostoke Rossii v period Grazhdanskoi voiny 1917–1922 godov [SRs and Mensheviks in the Russian Far East during the Civil War 1917–1922]. Khabarovsk, 2005. (In Russ.).
13. Kuchemko N.M. Ukreplenie sotsialisticheskoi zakonnosti v Sibiri v pervye gody NEPa [Strengthening of socialist legality in Siberia in the early years of the NEP]. Novosibirsk, 1982. (In Russ.).
14. Makarchuk S.V. Sotsialisty na vostoce Rossii: politicheskaiia kul'tura kompromissa nakanune i v nachale Grazhdanskoi voiny [Socialists in eastern Russia: political culture of compromise before and at the beginning of the Civil War]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2013, no 23. (In Russ.).
15. Makarchuk S.V. Shumilovskii Leonid Ivanovich [Shumilovskii Leonid]. *Istoriia "beloi" Sibiri v litsakh. Biograficheskii spravochnik* [History "white" Siberia in persons. Biographical Directory]. St. Petersburg, 1996, pp. 64–68. (In Russ.).
16. Men'sheviki v 1919–1920 godakh. Sbornik dokumentov [The Mensheviks in 1919–1920. Proc. Documents]. Moscow, 2000. (In Russ.).
17. Novosibirsk. Entsiklopediia [Novosibirsk. Encyclopedia]. Novosibirsk, 2003. (In Russ.).
18. Orlov I.B. Politicheskaiia kul'tura Rossii XX veka. Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov [Political Culture of Russia in the twentieth century. The textbook for students of university]. Moscow, 2013. (In Russ.).
19. Sovetskaia sibir' [Soviet Siberia], 1920, 31 March. (In Russ.).
20. Tomskaia oblast'. Istoricheskii ocherk [Tomsk region. Historical Review]. Tomsk, 1994. (In Russ.).
21. Tsipkin Iu.N. Beloe dvizhenie na Dal'nem Vostoke. 1920–1922 godu [White movement in the Far East. 1920–1922]. Khabarovsk, 1996. (In Russ.).
22. Tsipkin Iu.N. Dal'nevostochnaia respublika: opyt demokraticheskoi al'ternativy [For East republic: the experience of democratic alternative]. *Iz istorii grazhdanskoi voiny na Dal'nem Vostoke. 1918–1922* [From the history of the Civil war in the Far East. 1918–1922]. Khabarovsk, 1999, pp. 119–127. (In Russ.).
23. Shilovskii M.V. Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 goda [Political processes in Siberia during the social upheavals of 1917–1920]. Novosibirsk, 2003. (In Russ.).
24. Shishkin V.I. Grazhdanskaia voina v Sibiri. 1929 god [The Civil War in Siberia. 1929]. *Sibir' v period grazhdanskoi voiny. Uchebnoe posobie* [Siberia during the Civil War. The textbook for students of university]. Kemerovo, 1995. (In Russ.).
25. Entsiklopediia Tomskoi oblasti [Encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk, 2008, vol. 1. (In Russ.).
26. Iarov S.V. Proletarii kak politik. Politicheskaiia psikhologiia rabochikh Petrograda v 1917–1923 godakh [Proletarian as a politician. Political psychology workers of Petrograd in 1917–1923 years]. St. Petersburg, 1999. (In Russ.).